

Отзыв

члена диссертационного совета на диссертацию
Никонова Сергея Борисовича
на тему: «Ноополитика в коммуникационном процессе
внешнеполитической деятельности государств»,
представленную на соискание ученой степени
доктора политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика

Тема, предложенная С.Б. Никоновым, чрезвычайно интересна, но и одновременно сложна для научного описания и изучения. Это обусловлено не столько стремительным развитием информационных технологий и формированием сетевой инфокоммуникативной парадигмы, сколько изменением самой коммуникативной природы взаимодействия и взаимовлияния субъектов информационного обмена.

Для исследователей в области политических наук и коммуникативистике актуальность диссертационного исследования также может быть определена активной динамикой глобального информационно-политического пространства и необходимостью его изучения в целях прогнозирования и устойчивого развития, с одной стороны, и непредсказуемыми эффектами или провалами в вариативных социокультурных условиях, – с другой. Кроме того, в усиливающейся конкурентной борьбе ведущих цивилизационных систем, которые в продвижении своих идей и идеологий и экстраполяции их на другие сообщества все чаще используют инновационные информационные подход, именно медиасистема является порой единственным средством реализации стратегических и тактических политических решений.

Новизна исследования заключается в предложении и обосновании: во-первых, концепции ноополитики как медийному сопровождению стратегий внешнеполитической деятельности акторов международных отношений в сетевом пространстве (С. 4–5); во-вторых, научного описания феномена

09/2-02-67 02.02.2021 -

ноополитики с точки зрения единства эмпирического и теоретического, глобального и локального (С. 16); в-третьих, процессов медиатизации политического процесса, алгоритмов выявления атрибутивной повестки и языковых средств выражения идеологической модальности (С. 25).

Диссертация основана на обширной эмпирической базе, которая включает не только заявленные диссертантом информационные материалы интернет-СМИ, касающиеся сирийского кризиса (онлайн-версии многоязычных СМИ России, США, Германии и телеканала Евроньюс), практически за 10-летний период в хронологическом измерении (С. 24), но и значительный пласт нормативно-правовых документов по проблемам государственной информационной политики и информационной безопасности.

Текст диссертации композиционно грамотно структурирован в соответствии с логикой анализа основных понятий исследования как на теоретическом уровне, так и на эмпирическом материале. Автор, используя в качестве доказательной базы многочисленные академические источники политологической (в частности, в области изучения социальных и политических процессов) и медийной (при описании и осмыслении современного массово-информационного пространства) сфер. Насыщенность фактическими сведениями и практическими примерами только подтверждает состоятельность научного анализа.

Первая глава диссертационного исследования посвящена описанию концепта внешней политики государства в информационном обществе и формированию научной терминологической базы исследования. К примеру, политическая диффамация предполагает «распространение достоверных фактов с целью причинить кому-либо имиджевый ущерб, показать, что ценности, пропагандируемые в «своём» обществе, не должны обсуждаться в иных обществах», поскольку в этом случае они не будут адекватно восприняты из-за особого культурного кода. (С. 45). Автор пытается представить анализ концепта «ноополитика» в контексте медийного

компонента в глобальном управлении и его влиянии на тенденции мирового развития. «Ноополитика – это форма политического руководства, которая необходима для взаимодействия с ноосферой, самым широким информационным пространством сознания, в котором объединены киберпространство (или «Сеть») и инфосфера (киберпространство плюс средства массовой информации)» (С. 49). Здесь также рассматриваются проблемы геополитического измерения мироустройства и перспективы политико-технологического контроля над информационной сферой. В данной главе автор также справедливо задается вопросом о роли медиа в создании современного мироустройства: «важно определиться с постулатом: формирует ли медиапродукт миропорядок или только описывает/прогнозирует события, которые могут повлиять на его изменение» (С. 44). Однако так и не дает на него четкого ответа. В качестве основных коммуникационных субъектов (акторов) реализации ноополитики, претендующих на участие в глобальном управлении, автор определяет власть и СМИ (С. 55). Информационное преобладание первой как в сфере регулирования приёма информации, так и в сфере её передачи позволяет обеспечить функционирование общества и гарантировать неизменность политического строя (С. 78).

Во второй главе описывается актуальный и до сих пор не имеющий единого определения феномен «новых медиа». Несмотря на разрозненность в подходах отечественных и зарубежных ученых к описанию и осмыслению новых медиа как субъектов политической коммуникации, автор дает их комплексную характеристику, функциональную нагрузку и классификацию. Они представлены в контексте ноополитики и современных тенденций развития глобальной медиасреды. Объектом обсуждения в данной главе также являются манипулятивные практики политических акторов в «новых медиа». Исследуя в данной главе функциональный диапазон новых медиа, автор доказательно определяет в качестве ключевых в политической коммуникации следующие функции: политико-коммуникативную,

установления общественной повестки дня и интерпретации (С. 97). К основным элементам новых медиа диссертант относит гипертекстовость, мультимедийность и интерактивность (С. 101). В аспекте ноополитики, по мнению автора, необходимо учитывать медиаэффекты и особенности медиатекстов новых медиа, поскольку освещение ими событий международного масштаба «представляет собой многоуровневый процесс создания интерпретации, предполагающий формирование атрибутивных повесток и фрейминг» (С. 137). В ходе научного анализа автор приходит к выводу, что данный процесс в ходе «реализации информационной стратегии приводит к инструментализации медиаэффектов» (С. 153).

В третьей главе описывается медиатизация политического процесса в исторической ретроспективе, и приводятся модели медиатизированной политики. Медиа в этом процессе представлены автором в качестве конкретной и властной «матрицы» – как система культурно-информационных монополий любого государства (С. 157). Автор рассматривает медиатизированную политику как виртуальную реальность, представляемую и создаваемую СМИ, а медиатизацию политики – как процесс установления этой реальности (С. 160). В данной главе автор убедительно доказывает, что любая информация, созданная журналистом посредством знаков, может иметь множество значений, а выбор значения зависит от воспринимающего это слово сознания (С. 172). Данный вывод полностью согласуется с представленным ранее нами тезисом об априорной аксиоматичности коммуникатора и апостериорной непредсказуемости коммуниканта.

Таким образом, представленная к защите диссертация имеет комплексный характер. К несомненным ее достоинствам следует отнести детальную проработку и логическую обоснованность положений, выносимых на защиту, а также системность и глубину выводов исследования. Структура работы вполне адекватна авторскому замыслу и раскрывает исследуемую тему.

Вместе с указанием на очевидные достоинства текста диссертации, хотелось бы обратить внимание на отдельные моменты, требующие уточнения и являющихся поводом для дискуссии.

1. Заявленный во введении тезис о необходимости изучения ноополитики как нового феномена, что позволит «создать модели формирования общественного мнения и применять их в системе глобального управления обществом, основанном на эмпирическом знании» (С. 6), не нашел своего развития в тексте диссертации, что затрудняет понимание самого феномена ноополитики. На С. 19 диссертации автор четко описывает суть и критерии оценки инновационности изучаемого концепта. В этой связи хотелось бы получить ответ на вопрос – какими конкретно мыслительными образами, схематическими картинками, гиперонимами, инсайтами, сценариями обладает концепт «ноополитика»?

2. В первом параграфе первой главы «Глобальное управление и тенденции мирового развития» автор, на наш взгляд, не совсем уместно отвлекается от изложения сути проблемы, переключаясь на рецензирование статьи Васильевой Н.А., Виноградовой С.М. «Глобализация как дисфункция универсальности» (Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. – 2011. – Т. 2, №2. – С. 33–41). Четыре из 11 страниц параграфа посвящено данной статье и в конце «рецензии» (С. 32–35) автор делает вывод: «труд С.М. Виноградовой и Н.А. Васильевой в большей мере является работой по выявлению тех проблем, которые обнаружил феномен глобализации. Но эти проблемы нельзя считать окончательными». Возможно, необходимо было изменить подачу материала с акцентом на исследуемую проблему, а не на конкретную публикацию.

3. В предложенной на С. 22 автором дефиниции «ноополитика» делается упор на «формирование у общественности через средства массовой информации положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства». В то же время, после прочтения работы сформировалось мнение о том, что новые медиа текстами политической

тематики, в частности, касающимися внешней и внутренней политики того или иного государства, формируют отношение не к его политике, а к самому государству, помогая либо препятствуя созданию его положительного имиджа, а также идей и пропагандируемых им моральных ценностей. Предложенный в качестве эмпирической базы массив политических текстов новых медиа позволяет судить именно об этом. Возможно анализ публикаций неполитического характера, имеющийся в арсенале автора диссертации, но по каким-либо причинам не вошедший в нее, дает основания автору говорить не об общем отношении к государству, а о частном – к его внешней и внутренней политике.

4. Некоторые фрагменты диссертации могут вызвать недопонимание и вызвать дополнительные вопросы. Так, на С. 71 в тексте, описывающем информационные реформы в Китае и специфику информационного сектора этой страны, автор вдруг говорит, что «утратив идеологию, а затем и соответствующий понятийный аппарат, страна подготовила почву для разного рода революций, поводом к которым могли и могут послужить любые действия руководства России». Возникает вопрос – действительно ли действия руководства России могут стать причиной революций в Китае?

Кроме того по тексту есть некоторые, на наш взгляд, проблемные места, не позволяющие до конца понять суть высказываемых автором идей. Так, «автоматизированная система сбора информации, пусть даже снабжённая искусственным интеллектом, запрограммирована таким образом, что обрабатывается количественный продукт информации и на его основе делается вывод и составляется прогноз, а вывод делается системой именно из количества полученной информации» (С. 83) В качестве еще одного примера приведем абзац со С. 84. «Заметим, что информационные вбросы, касающиеся отношения к религии, проводятся регулярно и в той или иной степени освещаются СМИ. Понимание деятельности информационных систем позволяет определить время, в котором работает информационная стратегия. СМИ, участвующие в создании основного потока информации, до

настоящего времени считаются наиболее важным ресурсом, поэтому за него ведётся борьба. На наш взгляд отсутствует логическая связь и переходы от одной мысли к другой и довольно сложно понять, что именно хотел сказать автор.

5. На С. 113 автор приводит классификацию новых медиа, упуская на наш взгляд один из самых важных моментов. Речь идет о классификации интернет-СМИ по характеру информации. Тем более, что сам автор на С. 127 говорит о важности данного критерия. «Основная цель исследования интернет-СМИ в аспекте ноополитики – выявить специфику интерпретации действительности при освещении международных событий. Соответственно, мы исходим из предположения, что при реализации манипулятивных технологий уже известные манипулятивные приёмы могут применяться в сочетании с возможностями сетевых ресурсов». Хотелось бы услышать пояснения по данному вопросу, к примеру, в разрезе агрессивные–лояльные, провокационные («сенсационные») и т. д. сетевые ресурсы.

6. Еще в один блок хотелось бы объединить вопросы уточняющего характера. Так, автор на С. 171 упомянул культурно-ментальную сферу ноополитики, оставив ее без подробного описания. Данный вопрос одновременно является весьма интересным и спорным, поскольку менталитет является скорее формой отражения культуры, ее интерпретацией, а ментальность зиждется на культурных архетипах мифологического сознания, использование этих двух понятий в одном ряду может вызвать определенные разногласия. Во втором параграфе третьей главы из коммуникационных моделей представлена метафорическая модель. В этой связи довольно проблематично сделать вывод о критериях выбора приоритетной модели новыми медиа, поскольку идеологическая модель и модальная модель социального поведения в недостаточной степени представлены в тексте диссертации. В тексте диссертации не представлена схема механизма формирования медиафреймов, которая заявлена на С. 214. «схематично механизм формирования медиафреймов при освещении

сирийского кризиса можно представить следующим образом». Данная схема могла бы в значительной степени облегчить понимание и осмысление результатов исследования.

Некоторый диссонанс вносят рассуждения автора о сути ноополитики. Так, представляя ее на С. 232 в положительном свете как парадигму, «в которой преобладает первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики», автор на С. 176 приписывает ей негативные коннотации «опорочить власть, расшатать положительное общественное мнение о существующей власти». В связи с этим возникает вопрос об истинном понимании ноополитики в системе «добро–зло», либо о ее двуликости. Тем более, что кроме информационной войны (С.243) в работе практически отсутствуют другие методы ноополитики .

Отмеченные проблемные моменты и вопросы могут послужить ориентирами в дальнейшем развитии настоящего исследования и не снижают общей положительной характеристики содержания работы.

Соответствие содержания диссертации специальности 10.01.10 – журналистика (политические науки) формуле специальности подтверждается тем, что объектами исследования в рамках данной специальности выступают информационные процессы, обеспечение и управление информационной деятельностью, журналистика и политическая власть. В содержании диссертации в наибольшей степени представлены следующие области исследований: структура, уровни, свойства сетевого информационного пространства; научные принципы и методы формирования государственной информационной политики и информационной безопасности, роль средств массовой информации и массовой коммуникации в формировании различных видов общественного сознания; единство и специфика политических и информационных процессов; исследование геополитических (глобальных, региональных, национально-государственных) явлений и процессов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что диссертация Никонова Сергея Борисовича на тему: «Ноополитика в коммуникационном

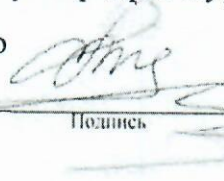
процессе внешнеполитической деятельности государств», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 года № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Никонов Сергей Борисович заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

доктор политических наук, профессор кафедры журналистики

Приднестровского государственного

университета им. Т.Г. Шевченко

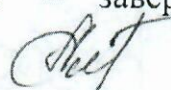

Подпись

С.В. Олейников

Подпись Олейникова Сергея Викторовича – заверяю:

И.о начальника Управления кадров

Л.А.Лисовская

30.12.2020 г.

